

ЕЛЕНА ГАБОВА

ЛЮБОВЬ НА СЕМИ ВЕТРАХ

РАССКАЗ

— А листья рябин как будто сгорают. От своего красного цвета сгорают. Видишь, как скрючились. Как на пожаре.

Двое сидели на крыльце старой мельницы. Она пряталась в затишке, за кучами рябин, и крылья ветряка шевелились вяло даже при сильном ветре. В нём что-то поскрипывало, покряхтывало, словно в живом старческом организме. Спиной эти двое чувствовали странную защиту: как будто в детстве сидели у бабушки на печке.

— Мы с тобой сидим тихонечко, — говорила она, тоненькая, бледная, глаза выделялись на лице зелёными блестящими листочками. — А неделю назад я присела сюда отдохнуть, а на крыльцо с того края дикий турист какой-то прямо запрыгнул. Старушка моя вся затрепетала.

— И ты, небось, старушка моя, вся затрепетала.

Он был молод, хорош собой. Лишь одна-единственная морщинка посреди лба говорила, что и он постареет.

— Ещё бы... Конечно.

Она сидела, сжавшись в комочек, подобрал под себя колени, а он, наоборот, раскрылся, руки за голову закинул, опираясь о старинную стену.

— Как хорошо, что в этот раз ты приехал осенью. Как хорошо, что ты вообще приехал. Я уж думала — всё. Ждала тебя целое лето, а недавно решила — всё.

ГАБОВА Елена Васильевна родилась в Сыктывкаре. Закончила сценарный факультет ВГИКа. Автор множества книг для детей и подростков, изданных в Москве, Киеве, Сыктывкаре, Токио. Ее произведения переведены на английский, немецкий, украинский, финский, венгерский, норвежский, языки народов России. Лауреат нескольких литературных премий, удостоена звания Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Член Союза писателей России.

— Не мог, Ольгиня, не мог. Получить квартиру в наше время — редкое везение. Обновлял мебель, крутил гайки, по трубам стучал.

— А по трубам-то зачем стучать? — удивилась она.

— По разным причинам. Вода лучше бежит, соседи лучше ведут себя, дурную музыку приглашают.

— А-а... И не писал. Сознайся, теперь тебе стыдно.

— Стыдно. Оказывается, в новой квартире не до писем. Мысленно я все время с тобой говорил, ты должна была чувствовать это.

— Я чувствовала это перед сном. Казалось, ты рядом, где-то на острове, но увидеть тебя невозможно. Как будто ты в шапке-невидимке.

— Так оно и было. Я навешал тебя каждый день. Воображу луг, церковь, брожу вокруг, грызу травинку. А как покажется первая звезда, иду в твой маленький домик. К тебе. Ты опасалась напрасно, милая. Ты знаешь, как меня тянет сюда. Тянешь ты, недотрога. Тянет вот эта старая мельница. Церковь. И тишина. И озеро. Пойдём?

— Пойдём.

Они встали и медленно побрели по лугу, на котором заплатками осени лежали жёлтые и красные листья.

— Мой самый любимый отдых — ходить по опавшим листьям. Листва вся жёлтая, и на её фоне Преображенский храм от дождей становится чёрным. Знаешь, вот он от дождей чернеет и становится ещё ближе к природе. Он как будто не выстроен, а рождён, как будто вырос из травы, возник из озера вместе с островом. Тебе не кажется так?

— Милая Ольгиня, мне показалось это ещё в первый вечер, пять лет назад. Помнишь, ты проводила ночную экскурсию?

— Ещё как помню!

— Вот тогда. Тогда я влюбился во всё это — с тобой во главе. — Он потёрся щекой о её волосы. — В Москве я не живу — существую.

— Оставайся. Насовсем оставайся.

Шуршала листва, припадали травинки к ногам, последняя ромашка забилась в шнурки её кроссовок.

— Я, как дурной, жду отпуска. Лечу сюда. Еду. Плыву. Если бы ты знала, как раздражала меня эта квартира. А ведь её ждали так давно.

— Ты не ответил. Оставайся на острове.

— В качестве плотника? Не умею. Я тут буду социальным нулем. К тому же — понимаешь меня? — я не брошу Наташку. Смотрю на неё, как она засыпает, думаю о тебе и стискиваю зубы, чтоб не завывать.

— Большая стала...

— Да. Следующей осенью — в школу.

— Представь, как было бы хорошо ей здесь. Мы любовались бы озером, читали книги. Смотрели бы на звёзды.

— С тобой ей было бы лучше, чем с женой. Для той главное — тряпки. Она и Наташку в таком духе воспитывает.

— Как тебя жена отпускает? Ты что говоришь? Куда едешь?

— Говорю, что сюда. Что остров меня обворожил. Что заболею, если не побываю тут снова.

— Верят тебе?

— Так это же правда!

Помолчали. Понимали оба, что он, конечно же, обманывает жену, что они оба грешны. Но об этом было столько переговорено — уже не нужно было слов. Сто раз винулась Ольга перед незнакомой, чужой женщиной. В душе винулся перед женой и Владимир.

Он остановил её посреди луга, посмотрел внимательно в лицо и поцеловал в глаза:

— Я люблю тебя, Ольгиня.

— А я — тебя. Не целуй в глаза — это перед разлукой. Впрочем, что это я... Разлука для нас неизбежна.

Они прошли уже комплекс домов, привезённых сюда из разных деревень, прошли церковь Преображения и по грунтовой дороге направлялись в деревню, где жила Ольга тихой жизнью затворницы.

Вокруг тихо бушевала осень.

“Тихо бушевала” — разве могло такое быть?

Было. Тишина стояла вокруг. И осень бушевала вокруг. От обилия жёлтого цвета сентябрьский день казался солнечным. А день был пасмурный, сейчас он втягивался в шахту сумерек, ночи.

— Милая моя, нетронутая...

— Я тронутая... Ветром, солнцем... Осенью, её тихими прохладными листьями. Я тронутая озером в его тиши... Храмом Преображения. Я тронутая красотой. Выключи свет.

— Зачем? У тебя же всё равно глаза закрыты. Почему ты на меня не смотришь, скромница?

— Выключишь свет — буду смотреть. В темноте я вижу тебя лучше.

— Ты кошка. Пусть будет свет. Как мне нравишься ты. Миниатюрная. Ты как листочек, Ольгиня. Пусть будет свет.

— Пусть будут звёзды.

Он надавил кнопку настольной лампы. К ночи ветер разогнал облака, и в комнату заглянула луна.

— Говорят, когда луна — тревожно. А мне хорошо. Как мне с тобой хорошо, Господи. Как я живу без тебя? Я устала.

— Ты такая красивая. Всё хорошеешь. Пять лет назад ты не была такой красивой.

— ...Я провожу экскурсии. По шесть экскурсий в день бывает летом, представляешь? Так устаёшь, приходишь домой, выдернешь редиску с грядки, запьёшь молоком — и в постель. С Пушкиным или Есениным.

— Неплохая компания.

— Весьма и весьма. А утром опять люди, и так всё лето. И как нужен ты!

— Переезжай в Москву. Снимем квартиру, перебьёмся... Ну, всё. Тише. Тише. Луна, не мешай.

Он задёрнул занавеску на окне и вернулся к её прохладному, как листья, телу.

— ...Знаешь, очень хорошо, что ты приехал сегодня. Сейчас у меня хороший период.

— Осеннее пушкинское настроение?

— Да, и это тоже. Но я имею в виду совсем другое, милый. Давай откроем луну.

— Давай. Теперь пусть смотрит.

Луна заглянула к ним в гости своим добрым материнским лицом.

— Матушка Луна, у меня будет ребёнок.

Он встрепенулся, приподнялся на локте, посмотрел на неё настороженно.

— С чего ты взяла?

— Ты приехал тогда, когда надо. Спасибо тебе.

— Ну, что ж. Ты знаешь, я рад... хотя тревожно, конечно. Тут, с тобой, ребёнку будет хорошо. А я буду рваться ещё и к нему.

— Я давно об этом мечтаю. Это будешь тоже ты — мальчик. И тогда тебя у меня никто не отнимет.

— Я его тоже хочу.

— Да, ему будет тут хорошо. Ты даже не представляешь, как хорошо.

— Милая...

— Милый...

Пять лет назад он, командированный, приехал сюда на экскурсию. Быть рядом в городе, на материке и миновать музей под открытым небом на Острове? Да кто ж его умным назовёт? Хотя бы отметить на Острове было надо.

Он приехал один и прибил к экскурсионной группе, потому что главная церковь — Преображения — сама о себе ничего не говорила, кроме того, что была потрясающе чудесна.

Потом, в свободное время, которое отвели группе, ставшей и для него чутью своей, он сидел на берегу удивительного синего озера. Впрочем, синей была его даль, а вблизи, под ногами, оно было до камушков на дне прозрачно. Жалел, что не взял плавки, искупаться бы сейчас, хотя говорили, что озеро очень холодное. Северное озеро. Конечно, можно было и без купальных трусов обойтись, но столичный житель в этих вопросах был очень щепетилен: не дай Бог, кто увидит...

Проснулся и по тишине, по облакам, подкрашенным солнцем снизу, догадался, что уже закат, что теплоход убежал. Не было видно и фигурок туристов, гуляющих по острову тут и там. Он поспешил на причал, сверил по часам расписание — теплоход, на котором он должен был уехать в город, был последним.

На причале, выдающемся в озеро подобно вытянутой руке, обхватив колени, сидела экскурсовод — светловолосая девушка без признаков косметики на лице. Это он ещё днём отметил.

Он приблизился к ней.

— Девушка, теплоход шестичасовой был последний?

— Последний. Вы что, отстали от группы?

— Представьте. Задержался немного, и вот...

— Где здесь можно задержаться? — пожала плечами девушка. — Даже ресторана нет. Вас так восхитили церкви?

— Да, представьте, восхитили. — Он был зол на теплоход, на время, которое так подло быстро пробежало. — А вы думаете, нет? Это вы к ним привыкли, не видите ни шиша. Говорите, церковь Преображения построена без единого гвоздя, а посреди стены огромный гвоздина торчит, костьль...

— Это после ремонта, — растерянно ответила девушка, поднимаясь с досок причала и отряхивая джинсы. Не ожидала она от туриста такого напора.

— Так и не говорите тогда — без гвоздя... Где тут у вас можно переночевать?

— А нигде.

Она пошла по гулким доскам, и он со своим безвыходным положением — за ней.

— Как нигде? Такой, можно сказать, знаменитый музей, и нет гостиницы?

— Зачем она нам? Приезжают, смотрят и — назад.

Она быстро двинулась прочь от него. Сломил веточку с прибрежного куста, веточка ожила в её руке — стала прогонять комаров. Тоненькая, в джинсах и простом сером свитере, она вписывалась в картину острова своей естественностью.

— Девушка!

Она обернулась.

— Товарищ экскурсовод, я серьёзно озабочен своим положением.

— Я не товарищ.

— Быстро же вы тут перестроились.

Она усмехнулась:

— В моём лексиконе этого слова нет.

— Хорошо. Сударыня... Сударыня, не оставайтесь же мне на съедение комарам. Можно, я переночую у вас?

— У меня?! — Веточка в её руке замерла.

— Да, у вас. Ведь вы живёте не в стогу? Хотя переночевать я и в стогу могу.

Девушка как будто обрадовалась его последним словам.

— Вот-вот, в стогу и ночуйте. Вон их там сколько! — махнула рукой по направлению к лугам. — Сено пахучее, сенокос только-только закончился. Спокойной вам ночи.

Он догнал её, пошёл чуть-чуть сзади.

— Девушка... Ну, посмотрите же на меня, чёрт возьми!

Он остановился и топнул ногой по траве.

Она обернулась, и тихая улыбка тронула её губы.

— Гляжу на вас.

- Неужели я вам противен? Я красивый.
- Очень скромно.
- А ещё я не вредный.
- Почему вы должны быть мне противны? — вдруг тихо сказала девушка. — Вы мне просто никто, — она стала грызть кончик своей универсальной веточки.
- Пустите “никто” на ночь. Я вам честно скажу: проспал. Лёг вон там, у озера, и бух... Воздух тут просто снотворный.
- Она засмеялась.
- Ладно, пошли, что с вами сделаешь.

В окне крайнего дома отразился слиток заходящего солнца, словно солнце не в озеро заходило, а устроилось ночевать в этом дряхлом домишке.

Во двор этой избушки они и зашли через скрипучую покосившуюся калитку.

— Ваш дом не экспонат музея? В нём можно ходить и что-нибудь трогать?

— Не экспонат, но ходите осторожно — дом старый. Я его у одной бабульки кушила. А трогать действительно ничего не надо, я с вас ещё и за ночь возьму.

— Пожалейте меня. Я и так жертва обстоятельств: отстал от группы.

— Хороша группа. Потеряла человека, и никто не охнул.

— Группа не виновата, я к ней случайно прибил. Тут, в городе, в командировке был, как же, думаю, музей не посмотреть? Когда ещё сюда попаду?

— Не жалеете?

— Да вот же... Жалею, что проспал.

— Не жалеете. Всё, что ни делается, к лучшему.

Девушка исчезла за печкой, которая служила и перегородкой в единственной комнате-кухне, и скоро вновь появилась в строгом чёрном платье.

“Монашка”, — подумал он и спросил:

— Вы случайно не монахиня?

— Вы хотите сказать, я похожа на монашку? — мягко улыбнулась она. — Верно подметили. И дом мой — монастырь. Поневоле. А звать меня Ольга.

— Простите, действительно, давно пора познакомиться. Владимир.

Ольга накрыла на стол. Огурцы, редиска, хлеб, молоко.

— Для вас — банка консервов. Не то с голоду умрёте. А мне вечером хватает и молока.

— То-то, гляжу, вы такая бледная.

— Монашки все бледные. Ешьте. А потом у нас будет экскурсия.

— Как? А днём что было?

— Днём... Ешьте, я вам такое покажу, никакой день с этим не сравнится.

Олю позвали с улицы. В окно он увидел двух девиц с сигаретами. Высокая — бросались в глаза её ярко накрашенные губы — и низенькая, с плоским лицом. Казалось, и сигарета её была какая-то маленькая, приплюснутая. Они откровенно смотрели на него через стекло, и взгляды у них были откровенно вопрошающие: кто такой? Оля, видимо, в этом и отчитывалась. И опять у неё в руках была веточка, та же самая или другая. Она свободно, несильно гуляла по голым ногам и шее.

“Хочу быть веточкой, — вдруг подумал он. — Хочу соблазнить монашку. Сказала же: поневоле. Сказала: не пожалее, всё к лучшему. Может, и правда, к лучшему? Бог забросил меня сюда. Бог смежил мне веки на берегу сине-прозрачного озера. И никто ничего не узнает, ни жена Света, никто. Бог узнает? Но ведь это он всё подстроил, пусть он и расхлёбывает”.

— С вами хотят познакомиться мои подруги, — вернувшись в дом, сказала Ольга. — Вы поели? Пойдёмте к ним.

— Ох... — Владимир поморщился. — А не знакомиться можно? Скажите, что я устал, расстроен и ложусь спать.

— Вообще-то у нас это не принято. Гостей бывает не так уж много, жизнь не очень разнообразна. Но я попробую объяснить...

Объяснения приняты. Владимир видел через окно, как высокая недоумённо скривила ярко накрашенные губы и пожала плечами. Подруги удалились.

— Сейчас помою посуду и — топ-топ на экскурсию.

Владимир пошутил:

— Дело пахнет керосином...

— Не знаю, что вы имеете в виду, но воду для посуды я грею на керосинке.

— Неужели нет электричества? — поразился Владимир.

— И никогда не было. Деревушка тут маленькая, заброшенная, живут в основном летом, как на дачах. Вот и не считают нужным проводить. Да и как проведёшь? Вокруг озеро.

— Можно было поставить движок.

— В этом я, право, не разбираюсь.

— Мне вас искренне жаль. Живёте, как в пещерном веке.

Скрипнула калитка, простучали шаги по крыльцу, дверь распахнулась. Согнувшись под низким косяком, в комнату вошла Олина подруга, следом вторая. Высокая держала за горлышко узкую бутылку коньяка, в руке другой в эмалированной миске горкой красовалась розовая редиска размером с крупную вишню.

— Это нечестно, — с порога заявила низенькая, — мы тоже хотим пообщаться.

— Мы со своим угощением, — сказала другая, улыбаясь немного свысока.

— Проходите, девочки, проходите — Ольга принесла из-за печки табуретку для себя, подруг усадила на скамью у окна. — Знакомьтесь — это Владимир, отставший от группы турист.

— Угу, — согласился он, дожевывая огурец, — москвич.

Ольга засмеялась:

— Да, быть москвичом — большое достоинство. Даже песня такая была, девочки, слышали? “Только девочки, только мальчики, и уже — москвичи...”

— Глупая песня. Никогда не пел.

— Так я вам и поверю... Подруг моих зовут Элина, — та, что с накрашенными губами, поджала их и кивнула головой, — и Люда.

Низенькая, как школьница, подняла руку:

— Люда — это я.

Разлили коньяк, чокнулись, выпили за знакомство.

— А я вот, представьте, жалею вас, москвичей, — сказала Ольга. — Суета сует и вечная суета.

— Ну, не скажи, — скривила губки Элина, — это уж кому как. Я москвичам завидую.

— А тут покой? — спросил Владимир, не принимая во внимание реплику непрошеной гостьи и глядя только на Ольгу.

— Покой, — ответила Ольга.

— И в душе?

— И в душе.

— Вы ужасно вкусно хрустите редиской, — тоненько сказала Люда, напоминая, что Ольга с Володей не одни. — Глядя на вас, и мне есть захотелось. Давайте ещё по одной, а, девочки? — Она залпом выпила коньяк, разлитый по чашкам Владимиром. — Эх, как бы я сейчас хотела раз — и в Москве очутиться. Мечта! — Она тоже с хрустом откусила сочную редиску.

— Никогда такой вкусной не ел, — похвалил Владимир, по-прежнему глядя лишь на хозяйку дома. Взял из миски ещё одну редиску и ещё. — На каком дереве растут эти вишни?

Люда простодушно расхохоталась:

— Вишни! В земле растут эти вишни, Володечка, в земле! Ухаживать за ней не надо, бросил в землю семена — сами растут! А вы думали — как?

— А я думал, у вас здесь специальное редисочное дерево. Называется: дикая редиска для отставших туристов.

Все засмеялись.

— Дикая редиска для диких туристов, — добавила Люда. — А если честно, у нас тут, Володечка, диких туристов мало, без них мы и сами дичаем.

Элина усмехнулась.

— У вас курить не найдётся? — спросила она у Володи. — Ольга у нас такая скромница — не пьёт, не курит, может, и молится втихомолку — не знаем.

Она кивнула в угол, где на треугольной полочке стояла иконка, — по всему выдать, деревянная.

— Вы знаете, я ведь тоже не курю.

— Н-да, мужик пошёл... Мы свои не взяли, думали, вы угостите...

— Да я сейчас сгоняю, — поднялась Люда, — идти-то два шага... Вы без меня только не пейте, я мигом.

Люда юркнула в дверь, за окном мелькнула её фигура.

— Ладно, я тоже пойду, — усмехнувшись, поднялась Элина.

— Куда же вы? — спросил Владимир, глядя на Ольгу. Взгляд на Элину был, но косвенный, как бы случайный. — Не уходите, поговорим о Москве.

— Вы с Ольгой Николаевной об этом поговорите, а мне надо ещё за молоком на другой конец деревни бежать. Спокойной ночи.

Через окно Ольга и Владимир увидели, как Элина перехватила возвращающуюся Люду, как та по-детски растерянно оглянулась на их окно, как Элина властно взяла её за руку и повела за собой.

— Вы, Володя, слишком явно их не хотели, — заметила Ольга, покачивая ладонью чашку с недонитым коньяком. — Вот они и ушли.

— Незванный гость хуже татарина.

— Вы ещё более тот самый татарин.

— Ну, извините, Ольга, мне, правда, хотелось с вами побыть. Эка невидаль — коньяк, девчонки. И в Москве их вагон и маленькая тележка...

— Ну, так я же из того вагона.

— Вы — нет. Правда, правда. Я даже не знаю, чем это объяснить. Может, тем, что у вас вот это имеется, — кивнул он на иконку в углу.

Встал и подошёл к иконе.

— Она была ещё при старушке-хозяйке. Этой зимой баба Поля умерла.

— Это Христос? — спросил Владимир.

На иконе было красивое лицо с правильными чертами, прямым взглядом.

— Это Иоанн Креститель, — сказала Ольга из-за его спины. — Если присмотреться, надпись увидите. Она почернела совсем. Старая иконка — восемнадцатый век.

— Знаете, мне стыдно, но я о Крестителе ничего не знаю, кроме того, что Христос у него крестился.

— Это личность поразительная. Такая же, как Христос, чудесная. Он был тоже “заветным” ребёнком. Ангелы принесли отцу его — Захарии — весть, что жена Елисавета, уже старушка, родит Предтечу. Елисавета и Мария, мать Христа, были, кстати, какими-то родственницами. Через полгода ангелы принесли весть и Марии, что она родит от Святого Духа. Так что Иоанн и Иисус одногодки, Иоанн всего на полгода старше... Вам интересно?

— Очень. Только можно, я за вами встану? Мне кажется, он на вас смотрит, а я мешаю...

Владимир отошёл за Ольгину спину. Теперь всё было правильно: лик с иконы взирал на них обоих.

— ...Были почти одногодки, проповедовали одну веру, но странно, что не дружили, даже не встречались. Может, только в детстве, о котором нам мало что известно. Нет, в детстве, несомненно, встречались, ведь Назарет был город небольшой. Потом Иисус путешествовал со своими учениками, а Иоанн в одиночестве жил в пустыне. Всех проходящих призывал он покаяться, всех крестил в реке Иордан. Даром убеждения обладал огромным — ведь все каялись и крестились. Однажды пришёл на Иордан и Христос с уче-

никами. Вот тогда только и встретились они — впервые после далёкого детства. Молодые люди были, немножко за тридцать... Вам сколько сейчас?

— Тридцать и есть.

— В таком возрасте они и встретились. Друг друга узнали сразу, может быть, посидели, вспомнили детство, родной город. Иоанн знал, кто такой Иисус, ему не надо было доказательств, что он — Богочеловек, об этом ему мать говорила. И вот Богочеловек решает креститься у обычного человека, хотя бы и зачатого по Божьей воле, но обычного. Евангелисты пишут, что Иоанн испугался. Помните? “Я не достоин сандалий твоих развязать”. Но мне кажется, Иоанн с достоинством крестил Иисуса. Я это поняла после того, как много раз смотрела на эту икону. Зимой с ней разговариваю. Советуюсь. Вы не смеётесь?

— Вы здесь живёте зимой? При свечах? Без магазина? Ольга, это невозможно!

Он как представил её в тиши — только выюга воеет, а может, и волки тоже, на улице мороз, а тут тебе ни парового отопления, ни тёплых удобств, — так захотелось схватить её сейчас же в охапку и увезти на материк, и больше никогда не возвращаться! И главное, её не пускать!

— Не пугайтесь. Зимой экскурсий очень, очень мало. Здесь работают всего двое, по месяцу. Продукты доставляют на вертолёте, как и туристов. Остальное время — отпуск, я тогда живу у мамы в маленьком северном городе. Инта — слышали о таком?

— По правде говоря, нет.

— Это город у Полярного круга. Шахтёрский маленький городок. Иногда мне вовсе не хочется уезжать. Правда, правда, не удивляйтесь. Если б не мама, может быть, и не уезжала бы вовсе.

Этот лик на иконе — Иоанн Предтеча — тоже в этом Владимира убеждал. И книги на маленьком столике — в основном томики стихов — убеждали.

“А у неё тут и правда спокойно”, — подумал он.

Более подходило слово “покойно”, но слово это почти вышло из употребления. Люди боялись этого слова, считая, что происходит оно от “покойника”. Хотя, наверное, было как раз наоборот. Поэтому он подумал: “У неё тут спокойно”.

— Ну, а грустный конец вам, конечно, известен. Два друга детства, два праведника были казнены как преступники... Ну, что, на экскурсию?

— После вашего скорбного рассказа как-то не хочется идти на культурное мероприятие... — Владимиру лень было тащиться туда, где он уже один раз был, а завтра, перед отходом теплохода, будет ещё. — И потом, ночью...

— Белой ночью... И учтите, это не мероприятие, это — жизнь!

— Была ведь экскурсия...

— Какой же вы ленивый! Я вам покажу нечто сверх программы — ахнете.

— Ну, ежели так — ведите! Да, конечно, ведите. Я сыт и теперь хочу впечатлений.

— Хлеба и зрелищ? О люди, вы не меняетесь.

— Увы...

Опять Оля исчезла за печкой-ширмой. Новое переодевание, и вот перед ним тоненькая женщина в джинсах, мягком чёрном свитере, к которому ему захотелось припасть щекой.

Белая северная ночь — как нечто осязаемое, что можно потрогать руками, предстала перед ними. Как будто край этот накрыли колпаком от всего остального мира, и под ним, под этим колпаком, создался свой микроклимат. Деревья и кусты стояли, не шевелясь, как будто они в комнате, и в них виден каждый листочек.

Один дом стоял на отшибе, не надо было идти деревней, и они сразу ступили на тропинку, петляющую по дугу, по холму, с холма — через лесок, через миллионы еловых и сосновых иголок, берёзовых и ольховых листьев, знакомых и незнакомых метёлок, травинок. Шли, как плыли. Не разговаривая. Она — с веточкой-отгонялкой, а он, прежде чем выйти на улицу, помазался антикомарином. Оля дала:

— Помажьтесь. Столичные — непривычные.

И вот показались храмы, выплыли из трав. Живые храмы с луковицами куполов. В природе нет ничего прямоугольного, как наши жилые коробки. Луковицы церквей — это придумано гениально, эта форма и сложна, и проста одновременно, как всё, созданное природой. Когда проходили мимо храма Преображения, показалось, что он тоже спит, как всё остальное, и тихо, спокойно дышит. Владимир хотел спросить Ольгу, кажется ли ей церковь спящей:

— Ольга...

— Не спрашивайте ни о чем, просто тихо идите за мной. Хорошо?

— Угу.

Они подошли к озеру. Оно лежало перед ними без малейшего движения — земное зеркало, в котором сверкающими камушками отражались светлые мелкие звёзды.

Стояли на берегу, и он ёжился то ли от ночной прохлады, то ли от обилия красоты. И хрупкая Ольга казалась такой же спокойной и вечной, как деревья, храм, озеро. И он вдруг подумал про неё: “Ольгиня”.

Так было торжественней. Потому что вокруг было торжественно. Красота вокруг была торжественная и в тоже время очень естественная.

Но и это было не самое прекрасное.

— Пойдёмте дальше.

Он опять послушно ступал за ней, очарованный всей этой красотой, о которой понятия не имел в шумной Москве.

Тёмное тело колокольни. Не хватает нескольких рёбер — зияют дыры. Ольга открыла замок, они вошли внутрь и стали подниматься.

— Лестница прогнила, — предупредила Ольга, — идите осторожно и не отставайте. Лестница узкая, жаркая (идти было жарко), она закручивалась вокруг своей оси. Она была, как позвоночный столб этого деревянного тела.

— Туристов сюда не пускают, а вас я решила побаловать. Чтобы не очень на судьбу обижались. Опоздали на теплоход, так хоть не даром...

— На судьбу я уже не обижаюсь, — сказал он. — Наоборот, я уже благодарен ей.

— Давайте руку, здесь нет ступеньки.

Она втащила его наверх, и так стало повторяться всё чаще — ступеньки больше сгнивали сверху. “Вот почему сюда не пускают”, — подумал Владимир.

Он брал протянутую Ольгину руку — узкую, прохладную — и старался прыгнуть через недостающую доску так, чтобы очутиться ближе к Оле... чтобы её коснуться. На этой узкой, прогнившей лестнице ему впервые захотелось обнять её, с ней вдвоём слиться с этой древней колокольней.

Наконец, выбрались на площадку, куда в прежние времена каждое утро поднимался звонарь.

Владимир приблизился к перилам, отделявшим деревянную ладонь от земного воздушного пространства, и замер. Он в замершем мире замер. Он был теперь на высоте птичьего полета. Он увидел, что земля, по которой они брели с Олей, — это действительно остров. Огромное ультрамариновое с налётом серебра озеро любовалось им, как своим любимым ребёнком, бережно обнимало его.

Да он ли стоит здесь, на сорокаметровой высоте?! Он ли смотрит на озеро и храмы, поставленные здесь самим Творцом, ибо по Его воле и желанию происходит всё на Земле, в том числе и храмы строятся. Как он попал сюда, закоренелый москвич, законченный урбанист, каким чудом видит он то, чего не забудет уже никогда? И почему всё это — незнакомое, чужое ещё вчера — кажется ему таким родным, кажется частью его самого?

Комары словно замерли на лету. Ветра не было, звуков не было... Ольги не было. Милая девушка спряталась за его спину, чтобы с ним одним случилось такое. Чтобы и душа его поднялась на сорокаметровую высоту. А он помнит: когда они только-только начинали подниматься, душа осталась у подножия, и ему хотелось обнять Ольгу, хотелось быть с женщиной. Теперь же это желание казалось мелким, ненужным, он растворился в приро-

де, он обнял природу каждой своей клеточкой. Это было больше, лучше, чем обнять просто женщину — всего лишь часть природы.

Внизу — лес, дуга. Туман пробирался по дугу на короточках. Каждую травинку, каждый спасшийся от косы цветок ласкал, целовал. И он, Владимир, вместе с туманом обнимал всякий цветок.

А ведь звонарь, тот неведомый ему деревенский мужик, каждое утро поднимался сюда и звонил в колокол — исполнял гимн всему земному и неземному. Разливался колокольный звон по земле и по небу, проникал в каждую клеточку жизни — в деревья, людей, озеро. И люди молились, благодарили Творца. Этот звон всякую душу поднимал на такую вот высоту, где стоит сейчас он, и не надо было каждому карабкаться по узкой лестнице, а достаточно одному лишь звонарю — счастливейшему из смертных.

Ему, простому инженеру, технарю неверующему, открылось вдруг, что были колокола для России, что были для неё храмы.

Он был потрясён. На обратном пути даже не пытался заговаривать с Ольгой. Молчал.

А она, напротив, оживилась.

— Я приехала сюда на экскурсию вот так же, как вы. Было это после института, я уже в аспирантуру пошла. После экскурсии побродила часа два по всему острову, — она повела рукой вокруг себя, — пришла к директору и сказала: “Я никуда отсюда не уеду”. И не жалею.

— Спасибо вам, Ольгиня.

— Как странно вы меня назвали.

— Хочется чего-то возвышенного. Теперь вы для меня княгиня Ольгиня.

— Пусть будет так. А благодарить не стоит. Если вы запомните этот день, значит, не случайно отстали от группы.

“Запомните”... Он не то что запомнил — он врос в этот день, вернее, ночь, всей своей памятью. В тридцать лет открыть для себя иной мир, мир прекрасный — это не проходит бесследно.

Назавтра он уехал.

Через неделю, закончив командировочные дела, перед отъездом в Москву вернулся опять.

Стоял в группе экскурсантов человек в солнцезащитных очках, слушал девушку-экскурсовода, грыз травинку. И только когда Ольга, как и неделю назад, сказала, что храм построен без единого гвоздя, он молча указал ей на костыль в стене. Она смутилась, поправилась:

— К сожалению, в наше время без гвоздей не могут сделать даже ремонт. Взгляните. — И указала туристам на это недоразумение — на костыль.

Конечно, Ольга сразу заметила Владимира. Он здорово её смущал. Несколько раз она даже сбилась. Хотелось поскорее закончить экскурсию, а тут, как нарочно, задавали и задавали вопросы. Обычно любознательностью российские группы не отличались. Когда терпение экскурсовода кончилось, и голос стал выдавать усталость, Владимир подошёл к ней и протянул букетик ромашек. Туристы зааплодировали.

В солнечный летний вечер они плыли на уютной лодочке по озеру. И он сказал посреди водного пространства:

— Всё. Я прирос. Я, как храм, расту из острова. Я — твой.

— Ты хочешь сказать, ты остаёшься?

— Упаси Бог, у меня работа в Москве.

— Ну, так не говори, что прирос. Не говори: твой. Приросшие не уезжают. Вот как я. Мои корешки — по всему острову. Я возникаю то тут, то там.

— Я прирос душой.

— Но ведь ты женат.

— Женат. У меня дочь.

— А сюда вернулся за приключением, которое не завершилось неделю назад?

— Ольгиня, пойми. Я не буду оправдываться. Да, я женат. Но неделю назад во мне всё перевернулось. Я люблю этот остров, а на нём — тебя, маленькую, с веточкой от комаров.

Оля вздохнула. Ладонь её была опущена в воду, она глядела на свою руку, которую омывали прозрачные струи.

— Вот так ждёшь, ждёшь, а полюбит женатый, — сказала она не то с лёгкой иронией, не то со скрытым сожалением. — Не дай Бог, сама в него влюбишься.

— Влюбись в меня, Ольгиня! А найдётся свободный, не женатый — я отступлю. Буду приезжать каждый отпуск не к тебе — к храму.

— Ты собираешься приезжать сюда в отпуск?

— Каждый год. И в этот тоже. Отпуск у меня впереди. Закончу дела на работе, и жди меня на месяц.

— А вдруг ты приедешь с женой?

— Что ты! — засмеялся он. — Она боится комаров.

— Я ей веточку подарю.

— Веточек она тоже боится. Чтобы в ней тоже что-то перевернулось, надо её на колокольню поднять. Да она туда не пойдёт — ступеньки узки. — Он вздохнул: — Моя жена любит удобства.

— Что ж... Я буду ждать, если нельзя иначе. Это не могло произойти случайно. Я фаталист.

И был отпуск. И было пять отпусков. Пять лет Ольга этим жила — природой и Володиными отпусками. И ей хватало тепла. А красоты вокруг было неограниченное количество.

И была та осень и тот день — крыльцо скрипучей мельнички, луга, ночь с луной.

С этой лунной ночи пошёл отсчёт девяти месяцев Ольгиного ожидания. Вслушивание в себя, выращивания в себе зерна жизни, создание для неё благоприятного климата — свежий воздух, здоровая вода и пища, стихи и музыка, тихое общение с природой...

Все девять месяцев ребёнок был спокоен. Ольга знала это, потому что ей было хорошо. И со здоровьем хорошо, и с душой. Просто талия увеличилась в объёме. И ровно через девять месяцев из своего спокойного, замкнутого мира вышел в мир ветров, радостей и огорчений маленький человек, сын Володи и Ольги — тоже Володя. Он чмокал губами и шевелил еле заметными лысыми бровками, а Оля улыбалась, глядя на него, и боялась поцеловать, как боялась целовать в первый вечер его отца, Владимира.

— Здравствуйте, девушка. Мне нужна Ольга Белецкая. Она живёт тут? У калитки стоял незнакомый сутулый человек, плащ накинут на руку.

— Это я. Проходите, пожалуйста.

— Я на минутку, только сказать...

Она почувствовала лёд под сердцем.

— Вы... про Володю хотите сказать? Он не приедет?

— Не приедет...

Он топтался на крыльце и заходить не хотел. И на улице сказать какую-то новость ему, как видно, было неудобно.

Всё же они вошли в комнату, перегороденную печью. Он неловко, боком приблизился к колыбели, в которой спал толстощёкий мальчик. Некоторое время человек молча, без улыбки смотрел на малыша.

— Дело вот в чём. Мы с Володиёй с детства друзья. Однажды, года три назад, он мне про вас рассказал. Всё рассказал. Он вас Ольгиной называл. Без вас, говорил, не может... жить не может. И вы, говорил, без него тоже не можете. Это ничего, что мы встречаемся редко, — так он говорил. Я с ней, а она — со мной. Я это понял. Редко, но бывает такое... такая любовь.

— Я не понимаю, почему вы о нём в прошедшем времени говорите: говорил, любил...

— Сейчас поймёте. Не торопите меня, ладно? — Человек потёр переносицу и зачем-то провёл рукой по одеяльцу ребёнка. — Он просил меня, Владимир то есть, если с ним что-то случится... ну, вдруг что-нибудь... чтоб я приехал сюда, вас разыскал и... рассказал.

— С ним что-то случилось? — прошептала она.

— Случилось. Помните, этим летом была катастрофа самолёта?

— Н-не слышала. Я ничего не слушаю. Извините. Как-то так мне это не нужно. Понимаете? Я книжки читаю. Книжки...

Её голос стал совсем тихим. Казалось, она заплачет сейчас.

— Пятого июня. Самолёт Москва—Самарканд. Володя был там, — добавил сутулый человек, чувствуя себя жестоким.

— Вы что говорите? Я ничего не знаю... Владимир был в самолёте, который... который... — слова не давались ей.

— Да, — сказал человек.

— Но ведь бывают ошибки...

— К несчастью, это не ошибка, Ольга.

Она застыла, закрыв узкой ладонью рот, с недоверием глядя на вестника. В её глазах ещё не было горя, лишь недоумение и недоверие.

— Извините, — сказал человек, — я хочу попасть на этот теплоход. Он взглянул на часы и вышел.

— Пойдите! — крикнула она вслед и выбежала за ним.

Он быстро прошагал к калитке. Он торопился на теплоход. А может, убежал. Хотя... хотя до отхода осталось полчаса, а до пристани приличное расстояние.

— Подождите! Пожалуйста!

Человек остановился за калиткой.

— Какого числа? Когда это было... с с-самолётом?

Последнее слово она выговорила с трудом, словно вытолкнула его из себя.

— Пятого июня.

— В девять? Это было в девять часов?

— Да. Значит, вы слышали? Вспомнили?

— Нет, другое, другое... — Человек опасался, что ей станет плохо. —

Пятого июня в девять часов у меня сын родился. Это он родился, Володя. Вы на него посмотрели? Ведь это одно лицо! Ведь правда? Посмотрите ещё раз, зайдите!

Человек смотрел на неё, как на блаженную.

— Простите, — сказал он. — Я спешу.

Он повернулся и, ни слова больше не говоря, зашагал в сторону озера. Следом за ним поспешала блаженная Ольга и несла какую-то чушь:

— Вы должны знать: Володя не погиб, он вернулся! Посмотрите ещё раз, ведь это копия, это Володя... Пятого июня, в девять утра... Боже мой, Боже мой...

Теплоход на подводных крыльях на полной скорости мчался к материку, оставляя за собой десятки крошечных, поросших елями островков.

Глядя на острова, на однообразное водное пространство, дающее отдых глазам, сутулый человек думал о странных совпадениях, случающихся в жизни. Смерть отца и рождение сына — в один час, может быть, в один миг. Это что, совпадение? Или то самое чудо, которое именуется переходом души от одного к другому?.. Если она есть — душа...

Вестник думал обо всём этом, и ему вдруг захотелось вернуться на Остров лет через двадцать, когда будет ясно, какова она, душа Ольгиного младенца. Может быть, он узнает в нём, в молодом человеке, своего погибшего друга? Тогда и решится вопрос о душе.

Ольгиня баюкала сына, напевая колыбельную, которую мало кто помнил. Склонилась к уснувшему Володе, она шептала:

— Спи, мой маленький, спи. Всё по-прежнему в мире: озеро, лес, луга. Цветы на лугах выросли те же. Просто вспять повернуло Время. Спи, маленький, спи. Я теперь не жена твоя. Я — твоя мать.